

Чжэнъе едва не растянулся на пороге, решив, что ослышался. Он бросился вдогонку за Хэ Гу, жалобно причитая:

— Это... это как-то совсем нехорошо! В самом дворце сейчас выбирают фума, супруга хоу только-только подала ваши данные, а вы, едва вернувшись в столицу, сразу по борделям? Если об этом прознают во дворце, что же будет?

От этого нытья у Хэ Гу разболелась голова. Он и не помнил, что Чжэнъе был таким ворчливым еще в юности — думал, тот стал таким только после женитьбы. Оказалось, зря наговаривал на жену слуги.

— Я не развлекаться иду, а человека найти. И даже если прознают — что с того? Самое страшное — не выберут в мужья. Неужели за такое могут казнить или в тюрьму бросить?

Если уж император и решит наказать старика Хэ за «дурное воспитание сына», то Хэ Гу от одной мысли о том, как отец будет потеть перед троном, проснется среди ночи от счастливого смеха.

Он вскочил в седло, взмахнул плетью и бросил:

— Не смей тащиться за мной. Я сам.

С этими словами он умчался прочь, оставив несчастного Чжэнъе одиноко стоять у ворот с лицом кислее лимона.

Терем Хуаюэ был самым известным злачным местом во всем Бяньцзине. Сюда стекались молодые господа и отпрыски знатных родов; сорить здесь деньгами было обычным делом. Но, как говорится, «хозяйка борделя любит золото, а девицы — красавцев». Богачи заглядывали сюда часто, а вот такие статные и пригожие юноши, как молодой хоу Хэ, были редкостью.

Он был одет в превосходный темно-синий шелковый наряд с узкими рукавами и едва заметным узором облаков. Волосы были стянуты нефритовым венцом, открывая чистый белый лоб. Самой выразительной чертой лица Хэ Гу были глаза и брови: несмотря на юный возраст, его пронзительный взгляд «звездных глаз» под «бровями-мечами» уже обрел мужскую силу. Стоило ему откинуть полог и войти, как его небрежный взор заставил сердца местных девиц пуститься в пляс. Мало того что красавец, так еще и в самом цвету — лет шестнадцати-семнадцати, кожа да кровь. В такого невозможно не влюбиться.

— Ой, неужели это молодой хоу Хэ...

Старая хозяйка поспешила навстречу, рассыпаясь в любезностях, но Хэ Гу не был настроен на пустую болтовню.

— Молодой господин Янь здесь?

Хозяйка смекнула: этот парень пришел не за ласками, а, чего доброго, разгромит тут всё. Но связываться с ним не решилась, а потому, натянув на дряблое лицо фальшивую улыбку, пролепетала:

— Молодой господин Янь сегодня пришел пораньше. Он выкупил госпожу Чжэньпин на целый месяц, и сейчас они... должно быть, слушают музыку? Может, присядете, отдохнете, пока господин Янь освободится...

— Некогда отдыхать, — Хэ Гу подхватил полы одеяния и зашагал к лестнице. — В какой он комнате?

Улыбка окончательно сползла с лица сводни. Она с трудом поспевала за ним, причитая:

— Ах, господин хоу, сегодня с господином Янем важный гость! Будьте милосердны, позвольте нашим девочкам сначала поухаживать за вами, а как только господин Янь освободится, я сразу же...

Хэ Гу обернулся, подозрительно прищурившись:

— Важный гость? Что еще за гость?

Сводня замаялась, не зная, говорить или молчать. Хэ Гу, потеряв терпение, достал из рукава серебрянную банкноту и сунул ей в руки:

— Плевать, что за гость. Веди меня к Янь Динье. Если он разозлится — спросит с меня, твое заведение не пострадает.

Соблазн серебра оказался сильнее страха, и сводня послушно повела его на третий этаж. Хэ Гу хотел было уточнить номер, как вдруг услышал знакомый смех. Хотя голос звучал гораздо моложе, эта манера смеяться, словно его бил припадок — ничуть не отличалась от того, что будет много лет спустя.

Хэ Гу сердито скрипнул зубами. Значит, пока он в глуши Чэнхэ перебивался с хлеба на воду, этот негодяй Янь Динье днями напролет пропадал в борделях? Неудивительно, что этот непутевый кузен в будущем доведет дядю до гроба, а бабушка с дедушкой, не выдержав горя, последуют за ним через пару лет.

От этих мыслей гнев вспыхнул в нем с новой силой. Он подошел к двери и с размаху ударил по ней ногой. Хэ Гу годами занимался боевыми искусствами и с детства обладал недюжинной силой — от удара тяжелая дверь из ценного палисандра едва не разлетелась в щепки.

В комнате круглолицый юноша, обнимавший девицу, и сидевший рядом ученый в зеленых одеждах в шоке уставились на незваного гостя.

Круглолицый заикнулся, не веря своим глазам:

— Брат... бра-бра-бра-брат?

Хэ Гу посмотрел на обломки двери и бросил опешившей сводне:

— За дверь пускай пришлют счет в бухгалтерию поместья Чанъян-хоу. Скажи, что это я её вышиб.

— Х-хорошо... — пролепетала та.

Хэ Гу вошел внутрь. С каждым его шагом ужас на лице Янь Динье рос. Когда Хэ Гу остановился прямо перед ним и мрачно посмотрел сверху вниз, кузен был готов разрыдаться.

— Ты-ты-ты... чего творишь, брат? — пролепетал он, дрожа. — Ты же только из Чэнхэ вернулся, чего дома не сидится?

Хэ Гу холодно усмехнулся:

— Что, мне уже и навестить великого господина Яня нельзя?

Даже слепой бы понял, что Хэ Гу пришел не с добром. Девушка в объятиях кузена оказалась на редкость сообразительной: она мгновенно, словно владея техникой «сжатия костей», выскользнула из-под его руки и в считанные секунды испарилась. В комнате остались только Хэ Гу, Янь Динье и ученый в зеленом.

Хэ Гу схватил кузена за ворот и буквально выдернул его из-за стола, заставленного вином и яствами. Несмотря на юношеское сложение, Хэ Гу держал Янь Динье в воздухе так легко, будто тот был нескладным цыпленком.

Янь Динье заскулил:

— Да что я сделал-то, брат?.. Я же тебя ничем не обидел!

Но Хэ Гу проигнорировал его и перевел взгляд на человека в зеленом. Тот оказался не менее сметливым — не дожидаясь ни слова, он встал и отвесил низкий поклон:

— Раз у вас семейные дела, не смею мешать. Откланиваюсь.

И тоже дал деру. По лестнице донесся его быстрый и совершенно безжалостный топот.

Янь Динье остался один на один со своим «палачом».

— Брат... давай поговорим по-хорошему. Только по лицу не бей! Может, сначала на землю меня опустишь?

Хэ Гу оставался бесстрастным.

— Знаешь, почему я пришел именно сюда?

«Да откуда мне, знать!» — подумал Янь Динье, но вслух жалобно промяукал:

— Брат так соскучился по мне в дороге?

Он не понимал, что нашло на Хэ Гу. До отъезда в Чэнхэ они часто выпивали вместе. И хотя Хэ Гу не жаловал подобные заведения, он никогда не лез с нравоучениями. А сегодня — как подменили. Видя это черное, как дно котла, лицо, Янь Динье едва не лишился чувств. Ему на миг показалось, что перед ним не кузен, а его собственный дед, старый генерал Янь.

— Я здесь потому, — Хэ Гу чеканил каждое слово, — ...потому что, мать твою, мне даже думать не надо, чтобы понять: ты не можешь быть ни в каком другом месте.

Янь Динье, набравшись храбрости, вяло возразил:

— Брат, ты в своем Чэнхэ пересидел. Говорят, там скука смертная, вот ты и озлобился. Видишь, как я развлекаюсь, и на мне срываешься.

Гнев Хэ Гу вспыхнул с новой силой.

— Сколько ты уже здесь торчишь? Когда последний раз был дома?

— Брат, ты чего? Отец с матерью меня не трогают, это ты с катушек съехал...

— Я с катушек съехал? Да мне-то что! Отец не трогает? Да он просто слишком слаб здоровьем, чтобы тебя пороть! А ты пользуешься добротой матери, которая скрывает твои пакости от деда, и совсем берега потерял, а? Ты — единственный прямой наследник рода Янь. Если ты решишь превратиться в кучу навоза — мне плевать. Но если ты доведешь отца до приступа или подкосишь здоровье деда — клянусь, Янь Динье, я с тебя шкуру живьем спущу!

Голос Хэ Гу становился всё ледянее. Кузен втянул голову в плечи:

— Да дед крепкий еще, чего ему сделается...

Хэ Гу с размаху влепил ему звонкую затрещину пониже спины:

— Еще и огрызаешься?!

Янь Динье взвыл. Рука у брата была тяжелой; даже сквозь одежду удар был таким, что искры из глаз посыпались.

— Всё, молчу, молчу! Брат, не бей больше!

Хэ Гу наконец отдышался и отпустил кузена.

— Живо домой, проси прощения у отца. И чтобы ноги твоей здесь больше не было.

Лицо Янь Динье снова скривилось:

— Да я же ничего такого... просто музыку слушал... я...

Но стоило Хэ Гу свирепо сверкнуть глазами, как оправдания застряли у кузена в горле.

— Домой. Я сам тебя провожу.

Братья вышли из терема. Оба были хороши собой, но Хэ Гу — особенно. Его точеное лицо, подернутое инеем суровости, привлекало еще больше взоров. Провожавшие их девицы всюду стреляли глазками, но это было всё равно что метать бисер перед свиньями: молодой хоу был слишком занят мыслями о воспитании неупутевого родственника.

На шумной улице Янь Динье чувствовал себя колодником, которого ведут на каторгу. Душа его ушла в пятки. Если он сейчас придет и признается отцу... тот ведь узнает, что сын целый месяц не вылезал из борделя! Отец и впрямь может занемочь от таких новостей.

Он уже хотел было начать торговаться с Хэ Гу, как вдруг с конца улицы донесся шум.

Хэ Гу тоже обернулся на звук. Вдалеке показались ярко-желтые знамена императорской гвардии, на которых развевался флаг с иероглифом «Охота».

«Кто-то из императорской семьи выехал на лов?» — подумал Хэ Гу.

Но не успел он как следует подумать, как кавалькада — раз-два — уже приблизилась к ним. Прохожие в спешке прижимались к обочинам.

Хэ Гу поднял глаза и увидел пышную свиту, в центре которой на статном, лоснящемся вороном коне восседала фигура в ослепительно-алом.

Женщина в красном была одета в охотничий костюм: узкие рукава, высокие сапоги — весь её

облик дышал воинственной грацией. Лицо её скрывала легкая вуаль, но даже та часть, что осталась открытой, поражала белизной, подобной драгоценному нефриту или первому снегу. Её брови не были выщипаны в тонкие ивовые листы, как у обычных дам, — напротив, они были прямыми и четкими, с чуть приподнятыми кончиками, почти как у мужчины.

Но именно эта строгость линий подчеркивала её глаза — разрез «персикового цвета», который должен был манить нежностью, утратил всякую слащавость. В них остался лишь холод высокого величия и блеск, пронзительный, словно прозрачные осенние воды.

То ли случайно, то ли нет, но взор всадницы в красном скользнул по толпе и на мгновение замер на Хэ Гу. Их глаза встретились лишь на миг, прежде чем она равнодушно отвернулась.

Молодой хоу замер как вкопанный, его сердце пропустило удар. Когда он пришел в себя, конный отряд уже скрылся за горизонтом, оставив после себя лишь облако пыли.

Алое пятно исчезло, и найти его снова было невозможно.

От переводчика:

<http://bllate.org/book/15879/1615340>